

Содержание

Предисловие.....	9
Введение.....	13
1. Свержение властителей дум	27
2. Страх.....	58
3. Вербовка.....	85
4. Тоталитарная идеологическая обработка	123
5. Семья и друзья.....	168
6. Воля фюрера — закон для партии.....	205
7. Тайны и ложь.....	238
8. Наружу	297
9. Зомби, но не из Маньчжурии.....	333
10. Флейтист.....	362
 Приложение А	
<i>Опросник групповой привязанности.....</i>	<i>395</i>
 Приложение Б	
<i>Равные отношения против авторитарных и абьюзивных</i>	<i>402</i>
Благодарности.....	404
Примечания	406

Предисловие

Непростой 2020 год подходит к концу. На горизонте сгущаются темные тучи. Национализм, популизм и дезинформация стали основными движущими силами современной политики. Власти множества государств по всему миру вступают в сговор друг с другом, намереваясь разрушить демократические институты в интересах диктатур, тоталитарных и ультраправых режимов. Тем временем в Соединенных Штатах сам президент Дональд Трамп подпитывает повсеместное недоверие граждан к избирательной системе, органам власти, науке и общеизвестным фактам. Дезинформация быстро стала неотъемлемой частью политической жизни — причем в таких масштабах, о которых раньше и подумать не могли, — благодаря невероятно стремительному развитию социальных сетей и их доступности для людей всех возрастов и слоев общества. Именно в этих условиях праворадикальный экстремизм и сопутствующее ему насилие получают возрождение в мире, погрязшем в межрасовых конфликтах и социальном неравенстве, которые выливаются в массовые беспорядки. Уже не в первый раз в новейшей истории праведный гнев рядовых граждан порождает ощущение, что фундаментальные гражданские и общественные перемены, которых так долго ждали угнетенные группы, вот-вот станут им доступны, — однако вместе с этим мы рискуем загубить весь прогресс. Конечно, Соединенные Штаты нельзя назвать фашистским государством, однако нет никаких сомнений

в том, что в современной американской политике начали отчетливо проявляться черты авторитаризма.

В одной из глав этой книги Александра Стайн, социальный психолог, так описывает авторитаризм и харизму руководителей тоталитарных групп:

...Последователи любят, идеализируют и боготворят своего предводителя, тем самым наделяя его харизмой... В то же время вследствие авторитарной природы его власти его последователи ощущают страх, угнетение, чувство угрозы. Существует огромное множество способов создать ощущение опасности: можно угрожать разрывом отношений, внушать боязнь внешнего мира путем нагнетания апокалиптических страхов или создать условия, в которых человек будет физически чувствовать опасность, постоянно доводя его до предельной усталости или же, к примеру, напрямую угрожая ему насилием.

Естественно, Стайн здесь говорит не о политике правительства США, но своевременность и злободневность ее анализа в свете текущих событий, по-моему, вполне очевидны.

И, кажется, в других странах обстановка не лучше — а в некоторых местах она гораздо хуже. В конце 2019 года мир узнал о настоящих масштабах преследования властями Китая исламского меньшинства — представителей народа уйгуров. В *The New York Times* вышла статья¹, где было обнаружено содержание более 400 страниц секретных документов правительства КНР. Репрессии режима в отношении уйгуров и других этнических меньшинств не должны остаться незамеченными. За последние годы в Китае было построено множество тюрем, где может содержаться около миллиона человек. По словам журналистов, власти КНР разработали «пугающе формальные инструкции», указывающие, как надо отвечать на вопросы, уклоняться от критики, вводить в заблуждение.

Кроме того, в инструкциях говорится о том, как заставить молчать людей, интересующихся судьбой своих родных и близких, заключенных под стражу, — например, неявным образом угрожая продлением тюремного срока узников.

Назвать книгу «Страх, любовь и пропаганда» доктора Александры Стайн злободневной — значит ничего не сказать. И, разумеется, сама автор не рядовой социальный психолог. Она провела целых десять лет в состоянии, как она сама выражается, «анабиоза», попав в тоталитарную секту, которая контролировала всю ее жизнь и всю ее личность. В своей книге «Наружу» (Inside Out), вышедшей в 2002 году, она ярко и убедительно описывает чувство «губительной пустоты» — результат настолько мощного и тотального психологического манипулирования, что оно грозило разрушить саму ее душу. Но душа уцелела. Александре удалось сбежать.

Однако ей оказалось мало собственного спасения, и поэтому следующие 30 лет своей жизни она посвятила науке и стала одним из ведущих мировых специалистов по психологии сект. Не всем, кто увяз в этом болоте, так везет (в настоящей книге Александра еще раз это признает). Но ей повезло выжить, а нам повезло, что она стала нашим учителем.

В новом издании этой одновременно великолепной и пугающей книги Стайн проливает свет на темное царство социальных групп, единственная цель которых — всеобъемлющий контроль над теми, кто попадет в их цепкие лапы. Автор приотворяет для нас двери в такие закрытые секты, позволяя увидеть, что происходит внутри, и осознать, насколько все это опасно. В своем повествовании она опирается на беседы с людьми, которые, как она, смогли сбежать: их опыт настолько же страшен, насколько полезен. Невероятно интересные личные переживания собеседников Александры органично вплетены в канву теоретического материала, что позволяет подчеркнуть социологический, психологический и организационный аспекты этих загадочных

групп, скрывающихся у всех на виду. Их план настолько же оригинален, насколько прост: они хотят *врезаться* — как можно глубже — в психику своих последователей и добиться тотального контроля над их жизнью. У метода, благодаря которому им это удастся, много названий: «насильственное убеждение», «преобразование мышления», старый добрый «контроль разума». Но лучше всего он известен как *промывание мозгов*. По словам Александры Стайн, под этим понимается «систематический, хорошо отлаженный и обманчивый процесс втирания в доверие к человеку с целью его вербовки».

Несмотря на все странные и страшные вещи, описанные в этой книге, автор в конце концов вселяет в нас надежду на лучшее, и кажется, что ее личный опыт — очевидное доказательство того, что даже из самой сложной ситуации есть выход. Людям под силу вырваться из-под влияния подобных тоталитарных групп, а их истории все чаще получают огласку. В этой книге вы прочтете несколько таких историй. Александра Стайн помогает людям, сумевшим покинуть тоталитарные организации, рассказать о своем опыте не только и не столько для того, чтобы описать психологические приемы, с помощью которых адепты подобных культов захватывают власть над человеком, сколько для того, чтобы уберечь других от их пагубного влияния. Вот что она сама говорит по этому поводу: «Люди, победившие в этой схватке, чувствуют не только ответственность за тех, кто остался в секте, но и необходимость предупредить других об опасности тоталитарных организаций».

Учитывая чрезвычайные трудности — социальные, культурные и политические, — с которыми столкнулось современное общество, я считаю, что нам стоит прислушаться к тому, о чем говорит Александра Стайн.

Джон Хорган,
заслуженный профессор факультета психологии
Университета штата Джорджия

Введение

Мои коллеги — публика необычная. Это преподаватели, художники, менеджеры, писатели, активисты, психологи, студенты, медицинские работники, врачи, директора благотворительных организаций и социальные работники. Среди них есть даже спортсмен, поставивший мировой рекорд по самому быстрому кругосветному путешествию на велосипеде. Однако всех нас объединяет общий опыт. Нет, у нас разные профессии и увлечения, наши истории тоже непохожи. Мои коллеги были свидетелями Иеговы*, участниками исламистских террористических организаций, неонацистами-скинхедами, почитателями всяческих гуру, радикальными христианами-фундаменталистами. Среди них есть еврей, долгие годы состоявший в секте Ларуша, где, говорят, не гнушались и антисемитизма, бывший мунист, а также те, кто вырос в семье фанатичных троцкистов, в христианской секс-секте и в ультраортодоксальном еврейском сообществе. Что же касается меня, я десять лет прожила в состоянии анабиоза, угодив в так называемый политический культ левого толка. После побега из тоталитарной группы (а у меня и вправду было ощущение, что я совершила побег) я посвятила следующие 30 лет изучению культов и сект: я пишу о них, читаю лекции. Благодаря всему этому мне и посчастливилось встретиться и поработать с такой замечательной компанией.

* Организация, деятельность которой запрещена на территории РФ. — *Прим. ред.*

Однако общность нашего опыта заключается в том, что все мы годами страдали в рамках определенной разновидности социальной структуры — той, которую я, как и многие другие, называю сектой. Эта же социальная структура считается основой тоталитарных движений и государств.

Конечно, группы, в которые мы входили, не имели общей идеологии. У них были разные цели, разная численность. Но когда мы с коллегами собираемся вместе и обсуждаем прошлое, то чувствуем, что пережили до жути схожий опыт. Каждый из нас жил в постоянном страхе и бессилии в замкнутой среде, где власть предводителя была абсолютной, а сама секта непрестанно контролировала даже самые обыденные элементы повседневной жизни. Порвать с этими системами — это стало для нас одним из самых сложных и самых смелых решений в жизни.

После освобождения мы решили, что будем в меру своих возможностей как-то помогать другим: пытаться вытащить людей из секты и заниматься их психологической реабилитацией, вести просветительскую работу, рассказывая обществу об опасности подобных организаций и предотвращая дальнейшую вербовку. Мы занимаемся этим, поскольку прекрасно знаем, что подобные группы — секты и тоталитарные системы — настолько глубоко заходят в мозг своих последователей, что эти несчастные полностью утрачивают контроль над своей жизнью. А в худших случаях — например, если речь идет о террористических организациях — секты способны погубить не только своих последователей, но и совершенно посторонних людей: теракты и войны приводят к тысячам и тысячам смертей. Но есть и другие тоталитарные группы, в которых террор направлен исключительно внутрь (и не слишком заметен извне): посредством страха руководители пытаются упрочить контроль над жизнями своих жертв.

Нас с коллегами объединяет то, что мы стали жертвами психологической обработки и промывания мозгов, основан-

ного на страхе: в процессе мы становились — по крайней мере на какое-то время — заложниками предводителя-психопата, привязывавшего нас к себе с помощью психологической травмы. И мы, к сожалению, прекрасно понимаем, как самый обычный человек способен в один сомнительно прекрасный день надеть пояс смертника и активировать его, забрав с собой на тот свет множество незнакомых ему людей.

Участники подобных групп — это не какие-то умалишенные, особенные или покорные люди. Нет, мы все занимаемся самым обычным, общественно полезным трудом, а в частной жизни ничем не отличаемся от вас (хотя, к сожалению, для многих бывших членов сект такой исход отнюдь не гарантирован). Я говорю об этом, потому что хочу подчеркнуть: те, кто оказался в сектах или экстремистских группировках, а также те, кто вынужден жить в странах с тоталитарным режимом, — это обычные люди, которые не выбирали такую жизнь. Наоборот, это жизнь — вернее, группа, к которой они принадлежат, — выбрала их.

Читая эту книгу, вы, возможно, вспомните ситуации, очень похожие на те, что я описываю. Не исключено, что вы имели дело с определенными политическими или религиозными группами, встречались с чем-то подобным в лечебно-оздоровительных центрах, в группах по медитации, на работе или на курсах по личностному росту. Замалчивание и стигматизация этой проблемы — именно поэтому вы не смогли распознать тоталитарные организации и культы, хотя, скорее всего, сталкивались с ними. По опыту могу сказать, что почти все люди так или иначе имели дело с подобными группами, а кто не имел, у тех есть знакомые с соответствующим опытом. При правильном подборе психологических приемов в сочетании с неудачными обстоятельствами любого из нас можно вовлечь в секту, однако жертв тоталитарных организаций общество все равно демонизирует. Из-за этого мы не осознаем собственную потенциальную уязвимость.

Культы и тоталитаризм — постоянная и вездесущая угроза: от политического и религиозного терроризма на международной арене до «личного» терроризма с целью полного контроля над отношениями. Я писала эту книгу в надежде, что мне удастся внести свой вклад в разработку подхода к профилактике этих социальных болезней с точки зрения общественного здравоохранения. Я считаю, что лучший способ защиты общества — распространение знаний: о том, как человека могут завербовать и заставить подчиняться, и о работе механизмов насильственного контроля. Знаний о ситуациях, в которых применяются эти механизмы, и о тревожных признаках, говорящих о том, что человека пытаются вовлечь в секту. На мой взгляд, лучше узнать об этом в школе или от общественных деятелей, чем испытать все это на собственном горьком опыте, который и привел меня к написанию этой книги.

Многие из нас не обращают внимания на незначительные признаки начала психологической обработки — на *нулевой контакт*, как я это называю. Это первый шаг психопата к власти над другим человеком. Первые попытки контроля, первый успех — и первое понимание, что контроль работает. Второй же акт мы видим немного чаще и именно на его основе начинаем делать определенные выводы. Потерянные души с неизменной улыбкой на лице вручают нам цветы в аэропорту или стучатся к нам в двери, спрашивая, не хотим ли мы побольше узнать об их церкви. Друг с восхищением рассказывает нам, что нашел верный путь к личностному росту и успеху на каком-то семинаре. На многолюдной улице незнакомец предлагает нам пройти тест на определение типа личности, а в десятке шагов от него стоит провозвестник политического или религиозного апокалипсиса и сует людям свои листовки. Толпы, даже целые нации в один голос что-то скандируют, размахивая цитатником Мао, Библией или Кораном.

И только третий акт попадает в заголовки всех газет с поражающей регулярностью. Именно тогда мы видим

взрывную (иногда — буквально) кульминацию и итог. Гибель прохожих, врагов, последователей, детей. Мы видим геноцид в исполнении тоталитарных режимов — от Гитлера до Пол Пота. Или менее масштабные трагедии наподобие газовой атаки в токийском метро, устроенной членами секты «Аум синрикё» в 1995 году. К этому же разряду относится история молодого англичанина, который примкнул к ИГИЛ* в Сирии и занимался обезглавливанием заложников на камеру. Но печальнее всего наблюдать за юными судьбами: от детей-солдат до тех, чья жизнь приносится в жертву по прихоти руководителей сект.

Наряду с гибелью детей сложнее всего примириться с суицидом членов культовых организаций. Известны случаи и массового самоубийства — всегда по приказу лидера. К таким событиям относятся трагедия в Джонстауне (1979), самоубийство членов секты «Небесные врата» (1997) и суицид последователей Ордена храма солнца (1994). Кроме того, XXI век стал веком террористов-смертников: почти ежедневно происходят теракты, в результате которых гибнут как сами представители террористических организаций, так и невинные люди. Кроме того, не стоит забывать и о самоубийствах выживших. Даже люди, пережившие холокост, могут покончить жизнь самоубийством из-за непрекращающихся страданий от психологической травмы, а в последнее время регистрируется все больше суицидов среди детей, выросших в сектах, где практикуют физическое или сексуальное насилие (например, секта «Дети Бога»).

Также существуют «самоубийства личности», которые происходят в пределах группы или в межличностных отношениях (о них тоже будет сказано в этой книге): отказ от своего внутреннего «я», от своей семьи, друзей, убеждений и мораль-

* Организация, деятельность которой запрещена на территории РФ. — *Прим. ред.*

ных принципов. Существенный компонент внутреннего принуждения — попытка предводителя-психопата захватить контроль над этим самым внутренним «я» последователя, то есть управлять не только тем, что он делает, но и тем, что он чувствует и думает. Именно поэтому массовые самоубийства и действия смертников, вероятно, и правда можно классифицировать как суициды, а не убийства, организованные предводителями сект: ведь последователи в каком-то смысле сами решают покончить с жизнью*. Но, с другой стороны, как можно говорить о «самостоятельности», когда человека лишают его внутреннего «я», а сама его основа — и когнитивная, и эмоциональная — разрушена и больше не представляет собой связного целого?

Как раз этот вопрос и стал фундаментом моей книги. Что представляет собой этот процесс, когда лидеры тоталитарных групп добиваются всеобъемлющего контроля над последователями своего культа и заставляют их повиноваться всем приказам — вплоть до лишения себя жизни или даже принесения в жертву собственных детей? Это подрывает все наши представления о человеческой природе. Более того, это подрывает устоявшуюся идею о том, что в нас накрепко вбито стремление защищать себя и своих близких. Однако методы эволюционной психологии помогут нам разобраться, почему такое возможно. Если вкратце, все дело в том, что за тысячелетия эволюции у нас выработались такие модели поведения и чувства, которые при определенных условиях могут начать работать против нас. Даже поведение, обеспечивающее нашу защиту внутри среды обитания, к которой мы приспособлены, вне этой среды может стать нашей огромной слабостью.

Я попытаюсь объяснить, почему и как это происходит. Процесс вполне поддается объяснению, проблема лишь

* Впрочем, в Джонстауне жертвам не давала спастись вооруженная охрана. Этот случай будет правильнее расценивать как массовое убийство. — *Здесь и далее, если не указано иное, примечания автора.*

в том, что зачастую общество ставит вопрос неправильно: что не так с *этими людьми*, если они решили присоединиться к секте? Но мы с вами прекрасно знаем, что на самом деле большинство членов сект — обычные люди, которые просто стали жертвами обстоятельств. Будучи социальным психологом, я знаю, что следует задавать иные вопросы: в каких *ситуациях* оказались эти люди, когда с ними случилась беда? Какие *процессы*, спровоцированные этими ситуациями, привели к настолько трагическим и непостижимым результатам? Каковы признаки опасной *среды*, к которой мы плохо приспособлены? Почему большинство людей уязвимы перед этим влиянием, если попадают в такую среду в неблагоприятных для себя обстоятельствах?

Все не так плохо, как кажется. Существует множество доказательств того, что ясное представление о механизме этих процессов дает эффективную защиту. Поэтому основная цель книги — пополнить собрание литературы по этой теме, чтобы просветить общество, повысить устойчивость людей к подобным опасным взаимоотношениям и выдвинуть научно обоснованные предложения по усилению социального иммунитета к тоталитаризму.

Истории людей, приведенные в книге, взяты из бесед, воспоминаний, статей в газетах и исторических книг. Это подлинные жизнеописания — многие из этих людей оказались в сектах не по своей воле. И, конечно, никто из них, вступая в тоталитарную группу, не представлял себе истинных намерений ее лидеров или возможных последствий ее деятельности. Представляю вам несколько человек из тех, с чьими историями вы встретитесь в этой книге.

В 2002 году я побеседовала с Мариной Ортис в ее родном Нью-Йорке*. Мы сидели в уютном пуэрто-риканском ресторан-

* Все имена и описания людей — вымышленные. Неизменными остались лишь имена тех, кто сам пожелал их не скрывать, и имена, которые использовались в цитируемых материалах.

чике; игравшая внутри сальса создавала особенно приятную атмосферу. Это был район моей собеседницы, а ресторан выбрала она сама. Музыка, что лилась из радиоприемника, была особенно близка ее народу — пуэрториканцам, осевшим в Нью-Йорке (в то время она как раз вела сайт о жизни диаспоры). Я включила диктофон и приготовила блокнот. Марина начала свой рассказ. Около двух часов я слушала ее историю — о том, как восемнадцатью годами ранее она увидела в газете объявление о «психотерапии вне зависимости от расы и пола». Тогда она была матерью-одиночкой, беременной вторым ребенком, и страдала депрессией — а в те времена женщине, да еще и латиноамериканке, не приходилось рассчитывать на помощь и сочувствие. Каким же было продолжение? Два года этой «психотерапии» превратили ее в полноценную участницу подпольной политической организации, возглавляемой Фредом Ньюменом. В начале 1970-х годов Фред, обаятельный белый мужчина, начал заниматься «марксистской психотерапией» (правда, у него не было ни соответствующего образования, ни нужных навыков). В 1990 году, после пяти лет упорной работы, нацеленной, как она была уверена, на борьбу за равноправие и социальную справедливость, члены группы начали давить на Марину, заставляя ее отдать дочь в приемную семью, чтобы ребенок не отвлекал ее от обязательств перед организацией. Как раз в это время женщине наконец удалось вырваться из секты.

Какой она проделала путь? Как попала туда? Как ей удалось сбежать? История Марины и ее товарищей легла в основу моей книги. Хотя эта история не так драматична и кровава, как многие подобные рассказы, этот пример прекрасно демонстрирует и методы, характерные для социально-психологического контроля, и динамику таких групп. Кроме того, это прекрасная возможность для углубленного тематического изучения.

Масуд Банисадр написал невероятные воспоминания о времени, проведенном в рядах Организации моджахедов иранского народа (ОМИН), в которую его завербовали, когда он был студентом Ньюкаслского университета¹. Чтобы поговорить с ним, я отправилась в Мидлсбро — промышленный город на севере Англии. Масуд показал себя хорошим хозяином: он даже приготовил для меня изысканное блюдо персидской кухни — тушеную говядину, обильно посыпанную травами и подаваемую с тахдигом (рисом с корочкой), приправленным шафраном. По словам Масуда, лидеры иранских моджахедов не запрещали наслаждаться пищей, а вот от радостей любви призывали отказаться. Он, как и все его товарищи, был вынужден уйти от жены, согласившись на «идеологический развод». Однако в это же самое время лидер организации Раджави выбрал себе новую жену, которая, к его счастью, была свободна... как раз потому, что ее бывший муж, один из командиров моджахедов, был вынужден пойти на «идеологический развод».

Об Энн Синглтон я впервые услышала в 2008 году, когда узнала, что она опубликовала часть моей собственной истории у себя на сайте с говорящим названием cultsandterror.org — «Культы и террор». Оказалось, что она тоже была членом ОМИН. Ее завербовали через кружок студентов Манчестерского университета, на встречи которого она ходила со своим парнем-иранцем. Вскоре привычная жизнь в Йоркшире сменилась на тренировки в иракских пустынях — с автоматом Калашникова и в полном боевом облачении. Командиры постоянно показывали ей видеоролики с женщинами-смертницами. Но, оказавшись у края пропасти, Энн сумела сделать шаг назад. Сейчас она живет в родном Йоркшире, воспитывает сына и просвещает людей, рассказывая им о сектах, терроризме и промывании мозгов. Как она оказалась среди террористов и как ей удалось от них сбежать?

Затем вы узнаете о моей истории, которую я уже описывала в своей книге «Наружу» (*Inside Out: A Memoir of Entering and Breaking Out of a Minneapolis Political Cult*)². Я непреднамеренно оказалась частью плана по сокрытию убийства, совершенного лидером небольшой и опасной группы, членом которой я была на протяжении долгих и мрачных десяти лет в 1980-х.

Поделившись друг с другом пережитым опытом, мы с Масудом сразу поняли, что наши организации пользовались схожими методами контроля людей, хотя он был частью террористической ячейки, а я состояла в политической группе.

Также мы поговорим о религиозных сектах. Питер Фруман — молодой человек, чьи родители были членами секты «Дети Бога» (сейчас она называется «Семья»). В детстве его разлучили с отцом и матерью, а затем подвергали физическому и сексуальному насилию. Таких детей, как он, были сотни. Будучи подростком, Питер смог сбежать из секты, но его родных удерживали еще много лет³. Теперь Питер стал активистом: он добровольно занимается помощью людям, выросшим в схожих условиях, и рассказывает общественности о существовании этих тайных, оторванных от обычной жизни миров. Он работает совместно с тремя женщинами, написавшими эмоционально насыщенную книгу «Без сестры — никогда» (*Not Without My Sister*)⁴, в которой они рассказывают о труднейшем опыте, пережитом в секте.

Об этих историях и о судьбах многих других людей вы узнаете, прочитав эту книгу.

Я взялась за перо, потому что уверена: людям нужен доступный и понятный источник информации, обобщающий результаты различных исследований, опыт очевидцев и последние теоретические открытия, — словом, все, что позволило бы как следует разобраться в феномене психологического манипулирования. Это знание, в свою очередь,

позволит защитить себя, детей, наших близких. С помощью этой книги я хочу вплести свой голос в стремительно растущий хор, который старается привлечь к себе внимание и перекричать глупые и бессмысленные вопли — «мнение», превалирующее в академической среде. Многие ученые считают, что насильственного убеждения и промывания мозгов не существует. По их мнению, нет никаких культов — только девиантные «новые религии», адептов которых нужно просто оставить в покое: пусть проводят свои ритуалы. Для них неважно, что большинство из нас состояли отнюдь не в религиозных сектах. Эти ученые говорят, что люди наподобие меня и тех, о ком я писала выше, — всего лишь разочаровавшиеся последователи (некоторые даже, отказавшись от своего любимого мудреного социологического жаргона, попросту называют нас «обиженными отступниками» и «рассказчиками страшилок»)⁵. Критики считают, что мы просто пытаемся переложить ответственность за наши ошибки на организации, в которых мы состояли. Даже заявляют, что мы действовали по собственной воле, а теперь просто хотим замести все следы.

Но мы — я, Марина и Масуд, как и многие, многие другие, — напротив, пытаемся *взять* на себя ответственность, усвоить уроки нашего горького опыта, чтобы не дать другим убить свое внутреннее «я», как это когда-то сделали мы. Так мы пытаемся предотвратить не просто самоубийства, но еще и теракты с участием смертников, жертвами которых становятся не только последователи культов, но и невинные люди.

Пожалуй, еще важнее то, что ученые, отрицающие эти вполне реальные проявления манипулирования человеком, не могут помочь нам предотвратить гибель вполне реальных людей, которая становится следствием развития культов. «Исследования» этих ученых никак не способствуют ни пониманию такой актуальной проблемы, как вербовка

детей из более или менее обычных семей в террористические организации, ни предотвращению последствий этой проблемы. В 2016 году в Миннесоте пропали двадцать подростков сомалийского происхождения. Через несколько месяцев они вновь объявились дома — только теперь в роли новобранцев-джихадистов. Один из них стал первым в истории американцем-смертником, а по меньшей мере пятеро других погибли в боях в Сомали⁶. Схожая история произошла в лондонском Ист-Энде — четыре старшеклассницы, жившие там, наряду с сотнями девушек из других западных стран стали женами джихадистов из Сирии⁷. Их история тоже связана с вербовкой, идеологической обработкой и промыванием мозгов, после чего девочки решили пожертвовать своим будущим — возможно, многообещающим. В этой книге я хочу раскрыть механизмы влияния и обнажить структуру подобных организаций, чтобы доказать, что, к сожалению, большинство из нас тоже может оказаться на месте этих подростков.

Промывание мозгов (предлагаю называть этот процесс именно так)* — свойство самых разнообразных социальных взаимодействий. К нему прибегают в сектах наподобие той, в которой вырос Питер, в террористических группировках, где основным организационным принципом становится насилие в политических целях, а также в тоталитарных движениях и в тоталитарных государствах, где, по мнению Ханны Арендт⁸, страх порождает государственную власть. Однако промывание мозгов используется и в небольших культах, даже в таких, которые сводятся к взаимоотношению одного лидера и лишь одного-двух последователей⁹. Схожие механизмы и системы контроля также можно обнаружить и в некоторых примерах абьюзивных отношений, когда

* В следующей главе мы подробнее поговорим о терминологических сложностях в этой сфере.

человек применяет бытовое насилие против своих близких (вспомните дело Йозефа Фритцля*).

Именно широкая распространенность промывания мозгов и социального контроля в форме манипулирования личностью делает эти две проблемы настолько важными для общества. Терроризм остается глобальной угрозой. Влияние сект, при всей их секретности, также не ослабевает — на деле мы сталкиваемся с ними гораздо чаще, чем замечаем. Домашнее насилие, вызывающее редкие вспышки общественного резонанса (как в случае с Фритцлем), все же чаще замалчивается, и, к сожалению, оно довольно распространено: только в Великобритании ежегодно около ста женщин погибает от рук своих мужчин¹⁰, а в США в 2000 году 1247 женщин были убиты своими партнерами¹¹. Как правило, это происходит в крайне абьюзивных отношениях. Ряды ультраправых ширятся во всем мире — а вместе с этим и политические секты ультраправого толка, которые вовлекают людей в закрытые от общества подпольные группы.

Кроме того, в этом печальном наборе манипуляций людьми мы видим тоталитарные движения наподобие Господней армии сопротивления, которая терроризирует целые группы населения в Уганде и Судане. Сюда же относится и массовое заточение в китайские лагеря мусульман-уйгуров, которые также подвергаются промыванию мозгов, о чем мир узнал только недавно¹². А некоторые тоталитарные государства наподобие Северной Кореи благополучно продолжают свое существование, даже если другие (например, режим Пол Пота в Камбодже) гибнут.

Может показаться, что у меня слишком смелые планы, но я не ставлю себе целью рассказать обо всем зле этого

* Инженер-электрик из австрийского города Амштеттена был арестован в 2008 году по обвинению в принудительном содержании взаперти своей младшей дочери: он почти 25 лет держал ее в подвале, насиловал и издевался над ней. — *Прим. пер.*

мира. Основная моя задача — продемонстрировать главные социально-психологические и структурные элементы, которые объединяют все разнообразные ситуации, описанные в книге, и приводят к тому, что харизматичные авторитарные лидеры сект так преобразуют сознание своих последователей, что те даже не способны действовать в интересах собственного выживания. Работу по преобразованию сознания можно называть как угодно — промыванием мозгов, насильственным убеждением, насильственным контролем. Структуры, которые этим занимаются, я называю тоталитарными системами.

В этой книге я попытаюсь доказать, что убеждения и идеология подобных систем полностью отражают и поддерживают их структуру. Тоталитарные (деспотические) идеологии — отражение всепроникающих социальных структур, которые они представляют. Поэтому понимание структуры этих организаций, подчиняющих себе все существование человека, очень важно для оценки тоталитарности их природы.

Тоталитарные социальные группы и их убеждения глубоко внедряются в жизнь тех, кто становится их целью. Они поражают самую личную и чувствительную часть человеческой жизни: его душу, которая всегда тоскует по привязанности. Они проникают в его мозг, в те его части, которые, как правило, успешно решают вопросы выживания. Они отрезают высшие когнитивные функции от эмоций и органов чувств, что делает нас беспомощными: мы не знаем, куда свернуть, чтобы избежать опасности. Именно об этих процессах я и хочу вам рассказать в этой книге.

1 Свержение властителей дум

В 1985 году Марина Ортис, девушка с милым круглым личиком, училась на третьем курсе в Хантерском колледже Городского университета Нью-Йорка, где изучала журналистику и работала редактором университетской газеты. Она была беременна второй раз, но уже рассталась с отцом своих детей. Неудивительно, что у нее началась депрессия. Осознав, что нуждается в помощи, Марина искала психотерапевта — и нашла его по объявлению в бесплатной газете, которую распространяли в колледже. Два месяца спустя специалист перевел девушку на работу в группе, но она была не слишком довольна. Это оказалась «социальная терапия» — изобретение Фреда Ньюмена. Вот как описывал этот метод сам создатель в 1974 году: «Пролетарская или революционная психотерапия — это путь, который начинается с отказа от чувства несостоятельности и заканчивается принятием своей незначительности. Это процесс свержения властителей дум»¹.

И сам психотерапевт, и другие участники групповой терапии начали буквально заваливать Марину приглашениями на разнообразные мероприятия: семинар по борьбе с сексизмом, постановки в театре «Кастильо», одним из основателей которого был Ньюмен, прогулки на катере по Гудзону, сопровождавшиеся распитием алкоголя. Во время одной из встреч организации в Гарлеме, посвященной феминизму, другой

психотерапевт, тоже молодая женщина, выразила свое восхищение по поводу замечаний Марины и пригласила ее писать для *National Alliance* — газеты, издаваемой политической партией «Новый альянс». Все это, от сеансов психотерапии до работы в *National Alliance*, было организовано «Замыслом Ньюмена» — группой, у руля которой находился «главный психолог» Фред Ньюмен*.

Примерно через год после того, как Марина влилась в «Замысел Ньюмена», две девушки, ведущие психологи организации, пригласили ее на встречу в манхэттенском баре, где за стопкой виски рассказали ей, что на самом деле их группа была частью Международной партии трудящихся — американской подпольной троцкистской организации, борющейся за социальную справедливость, и предложили ей стать полноценным членом этой «партии». К этому времени Марина уже встречалась с мужчиной, с которым познакомилась в одной из психотерапевтических групп, а ее жизнь вращалась вокруг разнообразных групповых мероприятий. И, что главное, девушка искренне верила, что ее организация борется против расизма, сексизма и эксплуатации человека человеком. Поэтому она с готовностью приняла предложение психологов. Вся ее частная жизнь была уже полностью связана с «Замыслом Ньюмена» — посредством психотерапевта, любимого мужчины и социальных связей, обретенных благодаря группе. Ее политические взгляды и профессиональные амбиции, которые прежде выражались и проявлялись по-разному (работа в университетской газете, участие в прочих мероприятиях), теперь тоже полностью

* Так как созданная Ньюменом организация постоянно меняет названия и в зависимости от условий преобразуется путем отказа от старых элементов структуры и добавления новых, я буду называть ее «Замысел Ньюмена». Данное наименование отражает одно из оригинальных названий организации, «Замысел», и в то же время недвусмысленно дает понять, что в ее появлении и развитии главную роль сыграл харизматичный и авторитарный лидер Фред Ньюмен.

подчинялись организации. Как видите, согласие не стало для Марины сколько-нибудь серьезным шагом. Именно так началась ее тайная жизнь, течение которой контролировалось организацией ежедневно, ежечасно. Подобный итог — не случайность, а результат систематической, хорошо организованной работы по введению в заблуждение, завоеванию доверия и вербовке.

Изначально Марина обратилась к психотерапевту, рассчитывая избавиться от депрессии. Она пыталась улучшить свою жизнь и жизнь своих детей. И конечно, девушка не планировала посвятить себя — целиком и полностью — подпольной политической группе. Но постепенно, шаг за шагом, она попала в зависимость от Фреда Ньюмена. В 1960-х годах Ньюмен работал преподавателем в нескольких университетах. Заняв свою последнюю, шестую академическую должность, он организовал кружок под эгидой философского факультета Городского университета Нью-Йорка. На момент вербовки Марины группа уже насчитывала около 500 человек.

Марина стала верной последовательницей Фреда — теперь он был не только ее психотерапевтом, но и руководителем. Ее дети ходили в специальную школу организации, довольно-таки дрянную (впоследствии она называла ее «гадюшником»). В отличие от большинства других членов группы, она не уволилась со своей основной работы — напротив, старалась ее использовать для удовлетворения потребностей организации. «На своем рабочем месте я выполняла как можно больше поручений: печатала тексты, делала ксерокопии, воровала расходники — словом, занималась всем, на что хватало времени», — усмехаясь, рассказывала мне Марина. После окончания рабочего дня девушка отправлялась на вторую рабочую смену в «Замысле Ньюмена» — уже неоплачиваемую. Она писала материалы для *National Alliance* и работала над другими проектами. Кроме того, Марина участвовала в групповых встречах, или «сборищах», которые,

как правило, проходили поздно вечером в различных манхэттенских барах. Сеансы психотерапии дважды в неделю были еще одним обязательным пунктом. К тому же ее в любое время могли привлечь к участию в митингах и демонстрациях, когда организации требовалась массовость.

Марина довольно часто оставалась ночевать в редакции газеты — еще и как «охранница». Теперь она укладывала своих малышей спать лишь дважды в неделю, да и в целом уход за детьми члены группы осуществляли совместно. Девушка совершенно отдалилась от своих родных:

Они препятствовали нашему общению с семьями. Семья отвлекает вас от работы на благо группы, поэтому семейные отношения не поощрялись.

Марина была полностью предана группе и ее делу, которое, как ее уверяли, заключалось в организации «мирной социалистической революции».

Но чем же на самом деле занималась ее организация? Марина не увидела ни борьбы за социальную справедливость, ни выступлений против расизма или сексизма. Напротив, у нее на глазах разрушались семьи, женщин вынуждали делать аборты, она стала свидетельницей отмывания денег и мошенничества — включая махинации с программой здравоохранения «Медикейд» и попытки надуть Федеральную избирательную комиссию². Вот как красноречиво описывал это сам Ньюмен, подчеркивая одну из целей своей странной революции:

Сейчас в марксистско-ленинских кружках крутятся большие деньги, и мы можем сколотить целое состояние, если создадим свою организацию... Не знаю, насколько большие суммы там водятся, но по нашей схеме точно можно сделать настоящие, серьезные деньги. Этот, мать его, Нью-Йоркский институт социальной терапии и исследований

сам по себе — долбаная золотая жила... По любой схеме, что в марксистском варианте, что в доработанном. На этом можно неплохо навариться³.

В это время члены группы проходили огневую подготовку, а руководство организовало склад оружия. Вот что по этому поводу рассказывал Билл Плезент, в чьем доме и хранилось оружие:

У нас, значит, была определенная группа людей, которую все называли «боевиками». Мы все ходили на занятия по огневой подготовке, но среди нас было несколько типов — они не только интересовались стрельбой, но и все время носили при себе оружие... Но, как мы считали, все нужно не потому, что мы будем отстреливать полицейских, а потому, что у организации была куча денег и эти деньги надо было кому-то охранять.

Руис, еще один член группы, описывал ситуацию следующим образом:

Мы и правда занимались огневой подготовкой. Время от времени они набирали группу, которую отправляли в лес на тренировку... Мы тогда думали, что будем устраивать революцию в логове зверя. В какой-то период она перейдет в уличные столкновения, и вот тогда-то нам и понадобятся навыки обращения с оружием. Понимаете, чтобы учить стрелять других, нужно научиться этому самому. В самом начале мы даже обсуждали, куда закладывать бомбы, когда дело дойдет до этого. Но потом подобные разговоры сошли на нет. Речь больше шла о сборе средств, об эмоциональной поддержке движения и о том, как при помощи культуры и пропаганды донести наши идеи до других левых организаций. Сменилась перспектива, и, когда мы переехали в Кастильо,

нам поручили охрану. В офисе на Гринвич-стрит мы тоже больше занимались охраной.

Кроме того, бывшие члены группы признавались, что лидеры не только обучали своих последователей обращению с оружием, но и переправляли деньги, предназначенные для закупки оружия, разным партизанским движениям в Африке и Южной Америке.

А сам Ньюмен тем временем устраивал себе разнообразные сексуальные развлечения, в которых иногда принимали участие девушки из его группы, разлученные им с постоянными партнерами. Все его отношения (во всяком случае те, о которых нам известно) начинались так — женщины становились его пациентками как психотерапевта, а затем некоторые из них попадали в особый женский круг, который впоследствии назовут «гаремом Ньюмена». Такова была природа широко разрекламированного «женского лидерства» в «Замысле Ньюмена».

Ньюмен занимался отнюдь не подготовкой «мирной социалистической революции» — он добивался полного контроля над жизнью своих последователей. Они дарили ему преданность, труд, деньги и даже удовлетворяли его сексуальные потребности. Как видите, Марина угодила в ловушку — в тоталитарную группу, где ей полностью промыли мозги. Строго говоря, она действительно приняла свою «незначительность», как и проповедовал Ньюмен, и низвергла себя с трона властителя собственных дум. Теперь Ньюмен управлял ее сознанием.

«Замысел» Фреда Ньюмена лишь один пример из тысяч. Неважно, какие идеи лежат в основе подобных организаций — левые, правые, религиозные, коммерческие, «личностный рост» или быстрый заработок, главное, что их предводители, структура и действия похожи как две капли воды. Но что представляют собой эти группы? В следующих главах я под-

робнее рассмотрю процесс вербовки и, что более важно, удержания людей, а также манипулирования ими. Затем детально разберу каждый элемент структуры этих групп. Сейчас же я предлагаю сосредоточиться на основных терминах и общем обзоре ситуации — все это поможет лучше понять суть моей книги.

Начнем с определений. Автор, пишущий на эту тему, всегда с большим трудом подбирает слова. Некоторые термины — например, «тоталитарный» — наполнены важным смыслом, имеют устоявшееся значение и давно используются в нашей научной области (впервые это понятие ввел Лифтон в своей работе на тему промывания мозгов, или преобразования мышления, в Китае и Северной Корее)⁴. Мне этот термин нравится: он максимально точно передает всеохватную — тотальную — природу этого монстра. Подобно полному солнечному затмению, когда лучи Солнца абсолютно перекрыты, тоталитарные организации пытаются затмить свет любых иных взаимоотношений и идей. Понятие «тоталитарный лидер» также хорошо передает деспотичность лидеров подобных организаций, подчеркивая активную природу этих людей, пытающихся создать систему, которая будет работать на удовлетворение их потребностей. Суффикс «-изм» обычно указывает на названия учений и общественных течений, поэтому «тоталитаризм» — политика полного контроля всех сторон человеческой жизни (подробнее мы разберем это в главе 7). Ханна Арендт верно подметила, говоря о тоталитарных (тотальных) идеологиях, что это «всяческие “-измы”, могущие, к удовольствию своих приверженцев, объяснить все и вся»⁵. Таким образом, тотальная идеология притворяется, будто знает ответы на все вопросы, возникающие у людей.

С двумя другими ключевыми понятиями из этой области все не так однозначно. В первую очередь давайте рассмотрим термин «секта», который фигурирует в большом количестве научных работ. Я буду употреблять его в прямом значении,

которое, думаю, всем интуитивно понятно: секта — это группа людей, которую возглавляет и часто использует в своих корыстных целях харизматичный авторитарный лидер, придерживающийся крайних (тоталитарных) взглядов. Для сохранения влияния по отношению к последователям культа секта обычно использует метод промывания мозгов. В этой книге выражения «секта», «тоталитарная группа» и «тоталитарная система» используются как взаимозаменяемые термины.

И, наконец, обратим внимание на термин «промывание мозгов». Впервые он упоминается в исследовании, объектом которого были военнопленные и узники «исправительных лагерей» в первые годы коммунистического правления в Китае и Северной Корее⁶. Этот термин — калька с китайского слова, которое во времена Мао Цзэдуна использовалось для обозначения промывания (или «очищения») мозга при помощи пропаганды. В исследовании описывается процесс, в ходе которого власти тоталитарных государств посредством идеологической обработки пытаются нейтрализовать противников режима — а зачастую и обратить их в вернейших приверженцев тоталитарных идей. Основа этого процесса — чередование кнута и пряника⁷; кроме того, человек, находясь в замкнутой среде, чувствует себя то под угрозой, то в безопасности. Основным минусом этого термина можно назвать его широкую популярность в массовой культуре, которую он обрел благодаря таким фильмам, как «Маньчжурский кандидат» (разведчик-«крот» по щелчку пальцев — в ответ на запрограммированный триггер — превращается в настоящую машину для убийств). Это незамысловатая карикатура на реальные — иногда довольно сложные и тонкие — процессы, которые происходили в Китае и Северной Корее: они и сейчас нередко используются тоталитарными сектами. Я довольно часто буду употреблять термин «промывание мозгов», чередуя его с термином «насильственное убеждение»⁸, который вошел в обиход приблизительно в тот же период.

Другие понятия — преобразование мышления⁹, управление сознанием¹⁰, вторичная социализация (в негативном контексте)¹¹ и насильственный контроль¹² — обозначают тот же процесс контроля.

Безусловно, нам необходимо четкое определение, что такое секта (тоталитарная группа). Я имею в виду очень специфическую совокупность групп и отношений. Эта необходимость — насущная: не утихающие с 1970-х годов споры между учеными¹³ внесли в науку столько неразберихи, что теперь любое обсуждение этого крайне вредоносного и распространенного социального феномена сопровождается совершенно необязательной путаницей. Научная дискуссия на тему сект зашла в тупик — из-за дебатов о религии.

Хорошим примером подобной путаницы служит бестселлер «Бог как иллюзия» Ричарда Докинза¹⁴, ученого, чей эволюционный и мультидисциплинарный подход к изучению человеческого поведения я полностью разделяю. Однако и Докинз со своей книгой, к сожалению, угодил в эту трясины — возможно, виной всему его «воинствующий» атеизм (тоже, кстати, разновидность религиозного фундаментализма). Вся загвоздка в том, что он, как и многие другие ученые, ставит на одну доску религию как таковую и тоталитарные группы, объединяя их в одну категорию. В самом начале своей книги Докинз просит нас вообразить мир без религии: «...Представьте: не было террористов-самоубийц, взрывов 11 сентября в Нью-Йорке, взрывов 7 июля в Лондоне...» И этот список продолжается — в нем фигурируют проблемы разных масштабов: от североирландского конфликта и взрывов древних статуй «Талибаном» до «облаченных в сверкающие костюмы, трясущих гривами телевизионных евангелистов, опустошающих карманы доверчивых простаков»¹⁵. Главный недостаток такого взгляда на вещи состоит в том, что, к сожалению, за кадром остается множество других страшных событий, происходящих в мире. Кровавый режим Пол

Пота едва ли можно связать с религией, однако он привел к гибели четверти населения Камбоджи, причем с особенным остервенением убивали музыкантов, художников и тех, кто носил очки. Симбионистская армия освобождения или «Фракция Красной армии», например, были политическими, но отнюдь не религиозными террористическими организациями. В США одна мониторинговая группа за десять лет — с 1995-го по 2005-й — зафиксировала более 60 террористических заговоров праворадикального толка, подготовленных различными группировками: от ку-клукс-клана до военизированных формирований и скинхедов¹⁶. В Соединенных Штатах «карманы доверчивых простаков» при помощи телевидения опустошают не только религиозные проповедники — этим занимаются и аферисты, предлагающие быстро разбогатеть: они никоим образом не связаны с религией, но их методы надувательства поразительно похожи на сектантские схемы. Поэтому мир без религии для меня отнюдь не безопасный мир, в котором нет террора и мошенников.

Я, конечно, разделяю неприязнь Докинза к магическому мышлению и некоторым другим элементам, присущим всем верованиям на свете, но не согласна с ним по поводу того, что все религии *сами по себе* вредны или несут ответственность за все ужасные события, перечисленные во введении к его книге. Он, с одной стороны, смотрит на проблему слишком масштабно, а с другой — в каком-то смысле слишком узко, потому что рассматривать проблему сект и террора только как «религиозную» означает упустить целый спектр нерелигиозных тоталитарных групп*, которые тоже занимаются насилием и прочими вещами, характерными для сект.

* Речь идет не только о больших группах, но и об авторитарных межличностных отношениях, наподобие тех, что мы видели в истории серийного убийцы Джона Аллена Мухаммада, известного как «вашингтонский снайпер», и Ли Бойда Мальво. Ли встретил Мухаммада, будучи 15-летним подростком, быстро с ним сблизился и даже начал называть

Нет, дело не в религии как таковой. Главной проблемой следует считать не идеологическую основу подобных групп — религиозную, политическую или любую другую, а то, насколько жестко они структурированы и насколько сильно они контролируют своих последователей. Для того чтобы как следует разобраться в этих двух аспектах, нужно выйти за рамки неприязни к религиям и вере в сверхъестественное. Если сосредоточиться исключительно на религии — чем и занимается Докинз, — это приведет к искажению причин. В этой книге я попытаюсь продемонстрировать, что именно определенные формы лидерства и порождаемые ими социальные и идеологические структуры создают условия, в которых последователей при помощи манипулирования склоняют к участию в террористических актах и к поведению, характерному для адептов культов. Обращая внимание только на идеологию, которая действительно играет важную роль в подобных системах, мы получаем лишь частичное понимание механизмов действия культа. Строго говоря, идеи культа лучше рассматривать как внешнюю оболочку всей системы, отражающую социальную структуру организации, которая, в свою очередь, становится отражением лидера (или группы лидеров). Таким образом, чтобы как следует разобраться в тоталитарных системах, нужно вскрыть их и изнутри изучить последние два аспекта.

Не углубляясь в дебри этого спора, подчеркну главное: не все секты и тоталитарные группы придерживаются религиозных учений; не все религиозные группы тоталитарны по своей природе. Смешение этих понятий препятствует пониманию целого ряда характеристик тоталитарной среды, в которой (это очень важно!) осуществляется опаснейший процесс промывания мозгов с целью максимального контроля

его папой. После идеологической обработки юноша стал соучастником серии убийств, совершенных Мухаммадом в Вашингтоне.

над жизнью последователей. Существует определенная совокупность групп и отношений, которые лучше всего описать как разнообразие тоталитарных систем, отличающихся высокой степенью контроля над последователями, что закономерно приводит к физическому или психологическому насилию.

Докинз и специалисты по социологии религии, чье мнение доминирует в научных кругах, не способны предоставить нам теоретическую базу для понимания конкретных элементов структуры и механизмов работы этой совокупности групп, способных осуществлять настолько жесткий контроль над участниками. Это важно, так как есть группы, придерживающиеся особых убеждений в одних сферах жизни, но допускающие свободу в других. Их нельзя назвать тоталитарными. Например, один человек — набожный христианин, регулярно посещающий церковь. Другой верит в пришельцев, астрологию или в то, что в прошлой жизни он был броненосцем. Но они оба могут играть в местной футбольной команде, брать в жены девушку иной веры, самостоятельно выбирать профессию и дружить с самыми разными людьми, придерживающимися самых разных взглядов. Все дело в том, что их система убеждений представляет собой лишь часть их жизни, часть их личности. Их религиозность или приверженность идеям, которые могут кому-то показаться несуразными, оказывают на их жизнь несоизмеримо меньшее влияние, чем то, которое испытали Марина Ортис и ей подобные (их судьба в буквальном смысле становится неразрывно связана с определенной организацией).

Тотальная (тоталитарная) идеология, или система абсолютных убеждений — неважно, религиозных, политических, коммерческих или любых других, — это отражение скрывающейся под ней тоталитарной социальной структуры. Идеология, безусловно, важный компонент, но отнюдь не движущая сила системы. Она обладает конкретным устройством и выполняет функции, поддерживающие тоталитарную систему. Я коротко

коснусь ее функций в этой главе, а подробнее мы разберем их в главе 7. Но все же секты, культы, тоталитаризм и даже домашнее насилие (в форме контролирующего поведения) отличаются друг от друга не идеологией или религией, а природой *отношений* между лидером и последователем, между группой и отдельным участником.

Эти отношения строятся на причинении и переживании травмы. Понять этот вид отношений помогут теория привязанности и теория травмы. Исследователи, изучающие привязанность — как у детей, так и у взрослых, называют подобные отношения *дезорганизованной привязанностью*. Эта концепция и лежит в основе идей, изложенных в книге. Я познакомлю вас с ней в следующей главе. И теория травмы, и теория привязанности рассматривают влияние травмы на формирование и функционирование головного мозга, и, следовательно, такой подход очень важен для понимания реакции последователей культов на попадание в тоталитарную среду.

Тоталитарные группы представляют собой очень специфическую социальную форму. Она определяется следующими пятью аспектами: лидер, структура, идеология, процесс и результаты¹⁷. Давайте рассмотрим каждый из элементов, общих для этих, казалось бы, непохожих друг на друга организаций.

ЛИДЕР

Самый важный элемент. Ни одна тоталитарная группа не может существовать без двигателя, как это называет Ханна Арендт, роль которого выполняет *лидер*. Именно он запускает всю систему. Сама система — совокупность структуры группы, ее убеждения и внутренние процессы — отражает личность, предпочтения и даже капризы лидера. «Двигатель» группы должен обладать двумя основными качествами: харизмой

и авторитарностью. Важность этих характерных особенностей мы разберем в главе 6.

Обычно лидер начинает строительство системы с эксплуатации одного человека, или, как я это называю, с нулевого контакта. В 1968 году 18-летняя Хейзел Дарен стала первым новобранцем Ньюмена, нулевым контактом его «Замысла». Ньюмену, коренастому усатому мужчине с длинными взъерошенными волосами и широким бледным лицом, тогда было 33 года: он преподавал в Городском университете Нью-Йорка, и Дарен не посчастливилось оказаться одной из его студенток. Вплоть до смерти в возрасте 54 лет она считалась в группе главной «женой» Ньюмена. Отношения студентки и преподавателя легли в основу самого первого организованного им коллектива — психотерапевтической группы под названием «Если... то», которая позже разрослась до «Замысла Ньюмена».

Две вышеупомянутые черты характера лидера — харизма и авторитарность — задают основные тенденции развития группы, начиная с нулевого контакта. Это значит, что последователи любят, идеализируют и боготворят своего предводителя, тем самым наделяя его харизмой и, как писал Вебер, магическими силами¹⁸. В то же время вследствие авторитарной природы его власти последователи ощущают страх, угнетение, чувство угрозы. Существует огромное множество способов создать ощущение опасности: можно угрожать разрывом отношений, внушать боязнь внешнего мира путем нагнетания апокалиптических страхов или создать условия, в которых человек будет физически чувствовать опасность, постоянно доводя его до предельной усталости или же, к примеру, напрямую угрожая ему насилием. В случае Ньюмена эти две черты его характера были даже задокументированы в истории «Замысла», опубликованной в 1972 году. Хотя группа, как считалось, носила «анархический» характер, то есть наличие организованной структуры

отрицалось, сами ее члены отмечали, что ею «управляет великодушный деспот»¹⁹. Отличная формулировка: великодушие и деспотизм — это харизматичность и авторитарность лидера, который вызывает одновременно и любовь, и страх. Сидни, бывший участник группы, описал свой опыт общения с лидером следующим образом:

Да, кто-то наверняка учил его мучить людей... Но все же он был обаятелен, этого не отнять. Даже несмотря на... Он мне нравился! Сейчас, когда я все о нем знаю, я бы не смог не поддаться его обаянию. Если бы он сейчас пришел и сел рядом со мной, я бы сказал: «Привет, Фред! Как дела? *(Смеется.)* Все еще жаришь восемнадцать девчонок сразу или силы уже не те?» Но, знаете, он все равно был очаровашка!

Основная цель лидера — создать надежную сеть привязанности между собой и членами группы. Это стремление контролировать свои отношения с другими появляется как результат дезорганизованной привязанности самого предводителя. Для тоталитарного лидера нет ничего хуже чувства брошенности. Да, ему приходится проводить чистку рядов организации (иногда такая чистка нужна, чтобы избавиться от проблемных последователей), но *контроль* над отношениями всегда должен оставаться в руках предводителя. Из главной цели — контроля — вытекают и второстепенные преимущества: возможность контролировать других открывает перед лидером множество способов эксплуатации (сексуальной, финансовой, политической) членов группы. Однако, с моей точки зрения, это все-таки вторичная выгода, а не основной мотив деятельности лидера. Сочетание харизмы и авторитарности, любви и страха оказывает на членов секты такое же сильное влияние, как и на жертв контролирующих семейных отношений. Эти две черты характера лидера отра-